

Светланов Е. Ф.

1/IX-88

К 60-ЛЕТИЮ

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ СВЕТЛАНОВ

ВТОРНИК, 6 СЕНТЯБРЯ, 1 ПРОГРАММА, 19.45

Евгений Светланов — соединенные таланты, о которых сегодня не хочется говорить отдельно. Универсальными мастерами не становятся — рождаются. Но это не значит, что избранным все дается само собой. За оптимизмом и активностью художника Светланова, за его артистизмом, за симпатичной демократичностью и самоиронией перенапряжения ежедневного труда не видно. Впрочем, близкие, друзья видят и знают, но об этом в кругу Светланова распространяться не принято.

Портрет Светланова начинается с Голованова. Светланов гордится причастностью к школе Николая Семеновича Голованова. У Голованова, как известно, не было ни школы, ни учеников. Да и чему, собственно, может научить что-то вроде моря, неба или грозы? Впрочем, бывают ученики, так сказать, непрямые. Светланов из их числа. Голо-

ванов, не уча никого, учил личностной смелости, праву на собственный голос, бескомпромиссности во всем, преданности делу до самого конца.

Еще юношей, в военное лихолетье, застыв у черной тарелки радио, он слушал русскую классику в прочтении Голованова. Если бы он заглянул тогда в партитуру дирижера, то увидел бы абстрактнейшие картинки: густая головановская ретушь, свистопляска его знаменитого малинового карандаша мало бы что объяснили. Но живое, эпически вольное звучание оркестра, особенность той тревожной и восторженной минуты завораживали высоким значением музыки. Вот, оказывается, как смело и как убедительно можно понимать классику, прежде всего русскую!..

В интервью, в статьях, в частности, в рецензии-раздумье из популярной своей книги «Музыка сегодня» Светланов признается в любви к Голованову, вспоминает время, когда он, молодой музыкант, пытался ему подражать. Уже зрелым понял, что подражать судьбе — пустое дело. Надо идти в ногу со временем и — к себе...

И вот теперь, к своим шестидесяти годам, Евгений Федорович Светланов сумел сделать не меньше, чем его выдающийся предшественник, и сделать в стольких же, как и Голованов, сферах: поставил (и продолжает ставить) спектакли в Большом театре, черпает неустанно из моря классики и современной музыки (творческая дружба с советскими композиторами особая статья), сам сочно сочиняет (а он считает себя прежде всего композитором), выходит на сцену как пианист, с волнением, азартом и подкупающей прямотой пишет о музыке и музыкантах.

Еще несколько штрихов к его портрету. Те, кому доводилось быть его собеседником, уходят с таким чувством: ты безоговорочный сторонник светлановских воззрений, несмотря на то, что иные мысли его весьма оригинальны и дискуссионны. Он владеет даром волноваться и волновать других. Чистые эмоции непрочны. За эмоциями должна быть крепость ума. Он знает, что на сантиментах до истины не доедешь...

Но это так — это о деталях общения с ним... А когда музыка... Вот где его истинная заразительность и убежденность! Вот когда он работает на излом, всей горстью чувств, и опыта, и душевной отзывчивости, когда жест уже не просто жест, а эхо сердца, когда пластические всплески, столь чтимые у завсегдаев-меломанов, того и гляди вырвутся из этого тесного квадрата дирижерского подиума...

На репетициях Светланова надо бы побывать всем. Он ни на кого не похож. Он строг и увлекателен. И всегда прост. Так просты и так убедительны художники, у кого внутри гармония... А чего, собственно, пытаться?! Репетиция — работа. Концерт — праздник. А можно и так: репетиция — тоже праздник. Иначе как, чем спать в одно, в единомышленников столь разных людей — музыкантов? А в награду всем — музыка. А музыка — та, что играет Светланов, — праздник.

И. Л. Андроников так говорит об этом:

— Ощущение настоящего праздника испытываешь в кон-

цертах Государственного симфонического оркестра Союза ССР под управлением Евгения Светланова, ощущение яркости, ясности, мощи. И новизны. Невольного удивления. Ибо многие сочинения ты слышал десятки раз, привык к общепринятым темпам, к «проходным» местам, к раз и навсегда установленным соотношениям звучности. И вдруг — как открытие! — исполнение Светланова...

Есть в этом музыканте черта, которая высвечена в его облике наиболее ярко. Страсть к красоте. Этим он поверяет то, что делают другие. Ею судит себя. Красота — его поводья в чашобе музыки. Мера вкуса. Категория не только эстетическая — нравственная.

Он говорит:

— Я глубоко верю, что настал час, когда человек хочет красоты, большой и глубокой искренности и (да простят мне откровенность!) естественной мелодии, которая проникала бы в душу...

В передаче звучат произведения Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Прокофьева (солируют Коган и Гилельс) — это дирижирование и ансамблевая игра артиста; Симфония Е. Светланова подтверждает его композиторский талант, исполнение пьесы Шопена — pianistический. Еще Евгений Федорович как бы вдруг, в порыве чувств, читает стихи. Не просто стихи — любимого Маяковского...

В. ГУСАРОВ
Фото А. Левина

«Говорит и показывает Москва», 1988, 1 сент., (№36), с.12.